

МАРИЯ ЛИТОШКО

ИСПОВЕДЬ
ПАДШЕГО

Мария Литошко
Исповедь падшего

«Четыре четверти»

2020

Литошко М.

Исповедь падшего / М. Литошко — «Четыре четверти», 2020

ISBN 978-985-581-242-6

Основные события романа разворачиваются в начале XX века в Америке. Лишенный материнской ласки, Мартин рос в атмосфере жестокости и страха перед отцом. Обретя свободу, семнадцатилетний юноша стремится получить все и сразу, совершая во имя этого самые отчаянные поступки. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-985-581-242-6

© Литошко М., 2020
© Четыре четверти, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава первая. Детство	8
Глава вторая. Юность	10
Глава третья. Прозрение	13
Глава четвертая. Первый друг	17
Глава пятая. Свободомыслие	21
Глава шестая. Бунт и побег	25
Глава седьмая. Иллюзия невинности	31
Часть вторая	34
Глава первая. Новая жизнь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Литошко

Исповедь падшего

Дорогим маме, папе и брату

© Литошко М., 2020

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

Пролог

Сколько бы столетий ни сменяли друг друга, на протяжении всей жизни люди неустанно ищут лишь одно – счастье. И зачастую это что-то великое, необыкновенное, почти недоступное и оттого еще более желанное. Однако есть нечто, без чего счастье, каким бы оно ни было, потеряет всякий смысл и никогда не станет совершенным...

К сожалению, я понял все слишком поздно.

Я стоял у стены и отчаянно пытался всмотреться в крошечное окно, находившееся почти у самого потолка, куда едва проникал свет. Ничего не было видно, кроме маленького кусочка неба, но я смотрел и видел намного больше: улицы, дома и здания; машины, сменившие конные экипажи; витрины магазинов; людей, детей – их улыбки и доверчивые взгляды; поля, луга, леса, парки, реки, берег океана – все, чего я лишился навсегда. Холодный пол, каменные мрачные стены и железная неприступная дверь – моя новая обитель. Теперь я узник, тюремная камера – мой дом, пристанище грешника, молитвы которого уже никем не будут услышаны. Я мог бы кричать, колотить в дверь, взывать к милосердию кого бы то ни было, произнося слова о моей, якобы, невинности. Но я молчал. Внутри меня воцарилось давно забытое смирение. Я знал, в чем виноват и что за содеянное ожидает.

Все двадцать девять лет существования я пребывал в уверенности, что знаю о жизни все. Однако только оказавшись здесь, в комнате, которую всякий разумный человек страшится сильнее смерти, я понял: даже самая большая проблема, огорчение или неудача там, за пределами каменных стен, просто ничтожны в сравнении с этим леденящим душу местом. Здесь нет права голоса и действий. На мгновение мне показалось, будто мои руки и ноги связаны, и я не могу открыть дверь и выйти наружу. Мука безысходности. Это худшая пытка на свете! Из моей головы исчезли даже мысли. Свобода оказалась самой драгоценной вещью на земле, но я, будто слепой невежда, обменял бриллиант на обычный придорожный камень. И теперь мне оставалось только одно: ждать конца, ждать избавления.

...За дверью послышались приближающиеся шаги, такие уверенные и громкие.

«Очевидно, охранник...» – подумал я. И не ошибся. Шаги стихли около моей камеры, и раздался звон ключей.

– К тебе гость, – тяжелым и низким голосом произнес охранник, впустив внутрь невысокого пожилого священника.

Я не хотел ни с кем говорить и, уж тем более, кого-то слушать. Но охранник так быстро запер дверь, что я даже не успел сказать об этом вслух.

– Зачем Вы пришли? – слегка раздраженно спросил я.

– Чтобы помочь тебе, сын мой.

Я безнадежно усмехнулся.

– Неужели? Поможете мне выйти отсюда? Избавите от оков?

– Нет, в этом я бессилен. Но я могу помочь тебе освободиться от грехов, что терзают твою душу. Пока еще не поздно. Расскажи мне о своей жизни, Мартин!

Я перестал бродить вдоль стены и на мгновение замер, углубившись в воспоминания. Человек в темных, почти черных одеждах навевал на меня необъяснимое разумом спокойствие, которое передавалось через его глаза. «Возможно, это последний человек в этой жизни, с коим мне осталось поговорить, – предположил я. – На том свете мне предоставят бесконечное количество часов, чтобы отдохнуть от общения».

– Вы правда хотите знать?

Святой отец молча дал ответ взглядом и опустил на край кушетки – жалкое подобие кровати. Впрочем, теперь и я сам выглядел не менее жалким. Я заглянул вглубь своих мыслей, далеко в прошлое. Память все еще хранила все события, каждую мелочь былых дней. Она мой личный дневник, который я впервые в жизни решился «зачитать» совершенно постороннему человеку и своему последнему слушателю...

Часть первая

Глава первая. Детство

Меня зовут Мартин Моррэс. Теперь это имя известно многим, но когда-то его знало лишь меньшинство. Родился я в 1901 году в Чикаго и до сих пор не понимаю, почему мне нравится этот город, ведь было множество причин признать обратное. Наверное, это было вложено в меня в момент рождения. Ненавижу этот день! Моя мать умерла, дав мне жизнь, а я так и не увидел ее глаз. Единственным моим наставником стал отец, Френсис Моррэс: суровый, тщеславный, эгоистичный. Он был человеком самых строгих правил: адвокат, блюститель закона. Эта профессия была единственным смыслом его жизни. Он оставался адвокатом всегда и везде, даже тогда, когда говорил со мной, когда мы ужинали, когда мне нужен был отец, просто друг, а не бесчувственный представитель закона. Высокий и слегка худощавый, с тяжелыми, грубыми чертами лица, он никогда не улыбался. В момент, когда он становился недоволен мной или зол, а это случалось очень часто, отец называл меня малолетним преступником и, вдобавок ко всему сказанному, настойчиво винил меня в смерти матери.

С самой ранней поры моего детства целыми днями мы говорили только об одном – правилах жизни и страны: мораль, этикет и законы, законы... Их бесчисленное множество преследовало меня неотступно. Один день – новый закон, и никаких исключений!

– Ну что, Мартин, ты готов отвечать? – спрашивал каждое утро отец.

Небольшая табуретка, а напротив – высокий стул. Никакой воды и завтрака. Порой, я не спал до рассвета, заучивая очередную букву закона, слово в слово, иначе экзамен не будет зачтен. Каждый день ровно в восемь утра в гостиной меня ждал отец, а также табуретка, на которую я должен был встать, словно на пьедестал, и торжественно, громко, а главное – четко и без единой запинки огласить новый заученный закон либо предписание из кодекса. Но помимо законов страны и граждан мне надлежало знать правила нашего дома. Они были прописаны крупным шрифтом на большом листе бумаги, напоминающем афишу или плакат, который висел на стене в моей комнате прямо напротив кровати. Так было задумано специально, чтобы я мог видеть его, отходя ко сну и просыпаясь на рассвете.

Совершив оплошность, пусть даже невольную ошибку, я должен был сам сказать, что именно меня за это ждет. Наказания бывали разными: заточение в комнате на весь день; запрет на завтрак, обед или ужин; три часа в углу; неделю без мяса или без сладостей... Запреты, запреты... и, наконец, порка. Каждое из наказаний я знал наизусть, каждое из них мне довелось ощутить на себе многократно.

Все слуги в доме, включая мою няню Бетти, остерегались сурового нрава отца, а потому держали языки за зубами. Но порой Бетти все же переступала через свой страх и, когда я оставался без еды на целые сутки, тайком приносила мне молоко и пирог.

В нашем доме не бывало гостей, совсем никогда. Никаких улыбок и смеха, задорных игр и веселья. К нам никто не приходил, как будто мы были одни в этом огромной городе. Мне именно так и казалось. Отец сделал все, чтобы оградить себя и меня от чьей-либо дружбы. Соседи сторонились нас и со страхом обходили наш дом, словно он был пристанищем демонов. Миссис Филипс, женщина, проживающая в доме напротив, косо и настороженно смотрела на моего отца всякий раз, когда им доводилось сталкиваться. На меня же она глядела иначе: ее глаза выражали жалость и одновременно беспомощность. Так же на нас смотрели и остальные.

О нас знали абсолютно все. Это становилось ясно без слов. Лица соседей говорили сами за себя, когда мы встречались с ними взглядами, пусть и нечасто. Они знали, каким психом и тираном является мой отец, и насколько несчастен я, будучи его единственным сыном. Но

тогда, в детстве, я не знал, что я несчастен. Наблюдая за своей жизнью, как будто со стороны, я полагал, что так и должно быть. Мне была неведома другая жизнь. Я жил в «клетке». У меня словно были завязаны глаза, и я даже не понимал этого.

Когда отец отдал меня в школу, я, наконец, смог увидеть больше. Здесь тоже были правила и довольно жесткие: вести себя надлежало крайне прилежно. Однако эти несколько часов в день, лишавшие меня отцовского взора, в коем не читалось ни капли любви, а лишь только нестигаемая строгость и безграничное желание сделать меня таким же, каким является он, стали приятным разнообразием.

По правилам здесь запрещалось шуметь, громко разговаривать и прочие запреты, требующие полной дисциплины. Но, по крайней мере, в этой школе я чувствовал себя намного лучше, нежели дома. Мне совсем не хотелось возвращаться, ведь я понимал, что меня там ожидает...

Учился я лучше всех. А как же иначе? К этому было приложено все мое усердие и немалое количество отцовских подзатыльников. Он создавал из меня себя, день за днем уничтожая мою собственную личность.

Проходили год за годом... Все его наказания, порка, унижительные фразы, бесчисленное множество правил и запретов вросли в меня корнями, опутав душу и сознание. Я становился старше, и, видя во мне четкое отражение своих «бесценных» трудов, отец испытывал гордость, в то время как я ощущал ненависть, которую подавлял детский страх.

Глава вторая. Юность

Достигнув шестнадцати лет, мне довелось осознать нечто очень важное. Я не знал: что я люблю, что мне нравится, и чего я хочу. Мне было известно, что можно, а что нельзя, я знал все законы страны наизусть, мог предвидеть всякое действие отца, знал, что в нашем доме положено есть на завтрак только овсянку, а ужин – ровно в семь, и, опоздай я хоть на минуту, мне не позволят взять со стола даже хлеб... Но я не знал самого себя! Что такое мечты, что значит любить кого-то и что такое счастье. Вполне вероятно, я прожил бы еще десяток лет, так и не задумавшись над этим, если бы не одна случайная находка...

Однажды ночью, в очередной раз оставшись без ужина, я тайком пробрался в кухню, желая стащить хоть что-нибудь съедобное, но нашел кое-что еще, кроме еды: это была книга, а точнее роман. Я с уверенностью предположил, что здесь его забыла кухарка, ведь со смерти матери в этом доме никогда не появлялось ни одной художественной книги. Таков был приказ отца. Только научная литература, справочники и собрания по истории. Мне не позволялось читать книги, в которые были вложены чувства и эмоции. За все шестнадцать лет я впервые нарушил строжайший пункт отцовских правил.

Мною руководил интерес. Роман Чарльза Диккенса я прочел взахлеб всего за две ночи. И с той самой секунды, дочитав последнюю страницу, я как будто ожил. Я узнал многое, о чем раньше не слышал, и вместе с героями прочувствовал все то, чего никогда не ощущал. Это была жизнь! Иногда пропитанная болью и слезами, но все же она была настоящей, живой и очень сильно отличалась от моей.

Две бессонные ночи оставили на моем лице нежелательный след усталости, но зато внутри себя я ощущал небывалое вдохновение, а мысли кружили в озадаченном вихре, побуждая задуматься над смыслом собственной жизни.

– Где ты находишься? – спросил за завтраком отец, пристально всматриваясь в мои рассеянные глаза.

Это я заметил не сразу, так как услышал вопрос лишь со второй его попытки.

– Что? – мы встретились взглядами. – Прости, отец, я не расслышал.

Он отложил столовые приборы.

– Мартин, что с твоим лицом?

Отец уставился на меня еще более пронзительно, словно пытаюсь проникнуть в мою голову и прочесть каждую обитающую там мысль.

– Ты похож на ожившего мертвеца, и эти круги под глазами...

– Я сегодня плохо спал.

– Хм... и вчера, полагаю, тоже? – загадочно произнес он и, взяв в руку ложку, принялся медленно помешивать в тарелке кашу, по-прежнему не отводя от меня взгляд.

Я сжался, словно парализованный.

– Вчера вечером звонил твой учитель по химии. Он поведал мне о вещах, совершенно недопустимых для лучшего ученика школы, – его голос с каждой секундой становился все более озлобленным. – Ты был невнимателен, не слушал, не записывал, а что касается домашнего задания, ты его не подготовил!

Отец резко ударил кулаком по столу, да так, что загремела посуда, и я мысленно приготовился к тому, что следующий удар придется принять мне.

– Это выпускной класс! – с криком продолжил он. – Для поступления в юридический колледж твои отметки должны быть безупречны! Я уже обо всем договорился! Или ты решил меня опозорить?

– Нет, отец, – я сжался еще сильнее, ощутив себя совсем ничтожным в сравнении с ним.

– Мне необходимо взглянуть на твои тетради!

Я отодвинул стул, намереваясь сходить за ними в комнату.

– Останься здесь! Я сам возьму! – он встал и посмотрел на часы. – Даю две минуты, а после твою тарелку унесут. Сью, проследите!

– Конечно, мистер Моррэс! – служанка робко пригнулась, когда он проходил мимо нее.

Я едва не задохнулся, понимая, что отец направился в мою комнату. От волнения я съел кашу почти мгновенно, с ужасом перебирая в голове лишь одну мысль: «Книга... я оставил ее на кровати!»

Вероятность того, что он ее не заметит, была крайне мала, особенно если учесть наблюдательность отца. Порой мне казалось, что он способен видеть сквозь стены и читать мысли по глазам. Ему был известен каждый из моих проступков и ошибок, несмотря на все попытки их скрыть. Не знаю, на что я рассчитывал сейчас...

Дверь в столовую тихо отворилась. За своей спиной я услышал тяжелые, но медленные шаги. Они приближались, и с каждым ударом ботинок о паркетные доски мое сердце начинало биться все сильнее. Оно колотилось вовсю, и мне даже почудилось, что я смог услышать этот бешеный стук.

Мне хотелось обернуться или встать, но тело полностью подчинилось страху. «Какой позор... Мне уже шестнадцать, а я боюсь отца так, точно мне все еще пять лет!» Эта мысль должна была сделать меня сильнее, заставить мой дух воспрянуть и дать смелый отпор. Однако я оставался безропотным. Я был слаб и телом, и духом, беспомощен, как ягненок в волчьем логове.

– Занятная находка... – протянул отец, остановившись возле моего стула.

Я осторожно и боязно перевел взгляд в его сторону и увидел, как он перебирает в руках ту самую «запретную» книгу, потирая ладонями ее обложку.

– Время – бесценный дар, а эта книга... – он повертел ее у себя перед носом. – Она недостойна даже скромного места на полке. А, Мартин? – его голос звучал издевательски, с присутствием некой насмешки. – Мне казалось, ты усвоил все наши правила! Я так надеялся, что сумел искоренить в тебе все недостатки, слабости, сделать твой разум совершенным и чистым, но ты опять разочаровываешь меня...

Я успел сделать всего один вдох, прежде чем его рука поднялась, и он с размахом ударил меня книгой по голове со стороны затылка. В ушах раздался звон, стерев все посторонние звуки. Удар был достаточной силы, как если бы я упал головой о пол. Взгляд помутился, все вокруг расплылось в воздухе, а звон в ушах, подобный непрерывному гулу сирены, звучал примерно минуту. Опираясь о стол руками, я покорно ждал, когда он наконец рассеется, надеясь, что второй удар не последует.

Подобные сцены уже давно стали нормальным явлением в нашем доме. Никто из слуг не удивлялся этому. И хотя служанка Сью находилась рядом, когда я получил наказание за то невинное удовольствие, она даже не пикнула от неожиданности или ужаса. Сью спокойно забрала тарелки и удалилась.

– Ты засорил свои мозги мусором! А что положено делать с мусором, Мартин? – слова отца снова прорвались в мой слух сквозь дымку затихающего гула.

– Его положено выбрасывать.

– Верно! Или выбивать, как пыль из ковра. Вот видишь, как хорошо, когда мысли очищены от всякого хлама! Здесь не должно быть ничего лишнего! – он грубо ткнул указательным пальцем в мой висок. – Ничего того, что может помешать делу! Ты меня понял?

– Да.

– Я не слышу, Мартин!

– Да, отец! – громко повторил я.

Он удовлетворенно сложил губы почти в улыбку и сел на свое место за столом.

– Можешь идти. Сегодня тебя отвезет мистер Джефферсон. И не смей опаздывать! Занятия начнутся через полчаса.

Несмотря на гнев отца, его приказ и мое с ним согласие, я все же не отрекся от того, что он так ярко называл мусором. Мне пока ничего не было ясно, но внутри я ощутил зарождение чего-то нового, настоящего и живого. В голове появилось множество вопросов, и, хотя я до дрожи боялся отца, мне безумно захотелось отыскать на них ответы.

Глава третья. Прозрение

Годы упорных трудов не прошли даром: я окончил школу с отличием и высшим баллом за поведение. Внимательно оглядев отметки, отец с хлопком закрыл школьный диплом и посмотрел на меня, как на солдата, для которого бой еще не был окончен.

– Итак, Мартин, до поступления в колледж у тебя есть ровно две недели. Приступишь к подготовке завтра же! А сейчас поехали домой, – сказал он обычным, ровным голосом, собираясь сесть в автомобиль.

Такой тон означал, что настроение у него вполне приемлемое, по крайней мере, мне так показалось.

– Папа, погоди! Сегодня ведь знаменательный день, праздник! Верно?

– Какой еще праздник?

– Я только что окончил школу! – напомнил я.

– И, по-твоему, это – праздник?

– Да, все так считают.

– Допустим. Ну и чего же ты от меня хочешь? – его лицо напоминало каменную глыбу.

– Я только хотел попросить тебя позволить мне поехать сегодня за город. Парни из класса организовывают вечер в честь окончания. Я тоже приглашен и хочу там быть, немного отдохнуть...

– Отдохнешь на том свете! – сурово прервал он. – Если ты настолько сильно устал, могу отправить тебя туда досрочно! Садись в машину!

Я понял, что продолжать не стоит, и тут же оставил мысль просить его снова.

В Чикаго пришло лето, а вместе с ним – заслуженные каникулы. И хотя для всех детей и подростков это означало отдых и веселье, для меня же – время неизбежной подготовительной каторги. Я принял все без удивления и должной обиды, смиренно, как раб, лишенный всякой надежды на лучшие перемены. Внутри меня что-то неистово рвалось наружу, однако мне все еще не хватало духа поддаться тайному искушению. Я был один, без друзей и союзников, к тому же слишком молод и без единого гроша в кармане, а потому полностью зависел от отца. Он расписал каждый мой шаг на несколько лет вперед. И этот список не предусматривал развлечений.

В день своего рождения я проснулся раньше обычного. Меня разбудили яркие лучи солнца, ворвавшиеся в окно, а еще – громкий звук автомобильного мотора. Это была машина отца. Он обожал свой автомобиль! Пожалуй, это было единственное, что Френсис Моррэс любил, кроме адвокатского дела. Он завел мотор и уехал.

«Слава Богу!» – с выдохом произнес я и, приведя себя в порядок, охотно покинул комнату.

– Доброе утро, Мартин, и с Днем Рождения! – с лучезарной улыбкой произнесла горничная, в прошлом – моя няня, красивая стройная женщина с добрым лицом и зелеными глазами.

– Спасибо, Бетти! Вы никогда не забываете поздравить меня!

– Как я могу забыть? Я нянчила тебя с самого рождения. Этот день и для меня стал светлой радостью!

– Вероятно, только для Вас одной...

Женщина с грустью опустила глаза.

– Куда уехал мой отец?

– Ах, да! Он просил передать, что до обеда пробудет в конторе, а после у него два выступления в суде. Будут слушаться крайне важные дела. Домой мистер Моррэс прибудет поздно.

Новость оказалась бесподобной! Ничто не смогло бы порадовать меня в большей степени. Это был лучший подарок!

Начиная с завтрака, я наслаждался каждой секундой. Даже овсянка, которая до безумия успела мне надоесть, сегодня казалась особенно вкусной. Не спеша и размеренно я смаковал кашу, словно некий дивный десерт. Я не следил за временем и думал о самом приятном, что мне пока еще довелось познать: о том незабываемом романе, в коем оказалось больше жизни и красоты, нежели в моем существовании. До сего момента мне никогда не удавалось заполнить весь день в свое распоряжение. Порой выпадало лишь несколько часов, большую часть из которых я был вынужден провести за учебными книгами. Но сегодня каждая минута принадлежала только мне!

После завтрака я решил отправиться в парк. Мы с отцом часто проезжали мимо него, но никогда он не позволял пойти туда на прогулку.

Погода выдалась совершенно не жаркой и приятной. Еще никогда прежде мир не казался мне столь прекрасным! Я как будто впервые увидел все эти дороги, деревья, даже небо выглядело каким-то особенным... Напряжение ушло, а в душе воцарилось неведомое ранее спокойствие.

Я бродил по парку дольше часа, вдыхая насыщенные запахи лета, а затем отправился в город. Здесь все было по-другому: шум, движение, иные запахи, присутствие некой суеты... Два разных мира, разделенных широкой дорогой. Однако и здесь я увидел исключительную прелесть, давным-давно стертую для всех остальных. Почему я не замечал этого раньше? Меня охватило недоумение, но спустя минуту объяснение нашлось само собой: рядом не было отца. Я обрел свободу! И хотя мой разум ясно осознавал, что это только на время и вскоре снова придется вернуться обратно, в «клетку», я ощущал себя несказанно счастливым! Теперь я знал, каково ощущать это тепло внутри себя. Именно оно наполняло мое сердце в момент чтения того удивительного романа.

Я пожелал зайти куда-нибудь перекусить, но, к сожалению, денег не оказалось, и только это вынудило меня вернуться домой раньше задуманного.

– Наконец-то ты вернулся! – тихо пробормотала Бетти, отворив входную дверь.

– А почему Вы говорите шепотом?

– Мистер Френсис здесь! Он приехал час назад и теперь просто в бешенстве! – руки служанки невольно подрагивали, поэтому она прижала их к себе. – Я ходила в парк, надеялась тебя отыскать, но...

– О-о-о! А вот и наша пропажа! – пронзительное и внезапное провозглашение отца прервало речь служанки. – Мы уже Вас обыскались, сэр! Извольте объясниться!

Его издевательский тон вызывал во мне раздражение.

Бетти окинула меня глубоко сострадательным взглядом и тут же покинула прихожую.

– Почему ты так рано вернулся? – спросил я.

– А это закон подлости вернул меня домой раньше. Знаешь, Мартин, так всегда случается: стоит задумать нечто тайное и непозволительное, даже будучи на сто процентов уверенным, что это удастся скрыть, как непременно все срывается и исход получается совершенно непредсказуемый.

Голос отца оказался обманчиво-спокойным, но последняя его фраза заставила меня встрепенуться:

– Где ты был, гаденьш? – с криком выдал он, покраснев от напряжения и гнева.

Семнадцать лет это лицо ввергало меня в дрожь. Разъяренный взгляд пронизывал насквозь, оставляя за собой лишь чувство страха. Оно не позволяло ощущать что-то иное. Его было слишком много: страх накапливался во мне годами, слой за слоем, как породы в недрах земли. Однако всего одна прогулка по солнечному парку и оживленному городу – самая пер-

вая, когда я смог расслабиться и наблюдать мир вокруг себя с широко раскрытыми глазами, впад в опьяняющее забытие, – смогла запечатлеться в памяти и проникнуть в душу, словно яркий луч света. Этот луч зажег меня изнутри и просочился в самое сердце.

– Ты хочешь, чтобы я спросил повторно? – вновь раздался рев отца.

Я поднял на него глаза. Дрожь куда-то исчезла. Внутри себя я ощущал спокойствие, именно ту безмятежность, которая сопровождала меня на недавней прогулке. До сей минуты я хотел солгать, выдумать любую уместную ложь, но вдруг передумал. Уверенность отразилась в моих глазах, а за ней последовал четкий и абсолютно спокойный ответ:

– Я был в парке, прохаживался по широким дорожкам вдоль пронзительно-ярких зеленых деревьев, вдыхал ароматы лета. Это было будто впервые, немисливо... – на моем лице показалась воодушевленная улыбка. – Затем я направился в город. Иногда полезно ходить пешком, многое начинаешь замечать. В отсутствии спешки и гула мотора твоей машины Чикаго открылся мне с совершенной новой стороны. Если бы не сильный голод, я бы с удовольствием задержался на час или два.

Мое откровение повергло отца сперва в ступор, а после – в шок. Да, без сомнений, он был ошеломлен до потери речи. Впрочем, и я был от самого себя в некотором потрясении. Что это было? Мне на мгновение показалось, что настоящий Я спрятался за спиной другого человека – свободного и бесстрашного, совсем незнакомого, и эта речь принадлежала ему.

– Ты пьян, или же солнце выпалило из твоей головы весь мозг?

– Нет, папа, со мной все в полном порядке и даже лучше!

– Годы... Долгие годы моих упорных трудов!.. И к чему все? Чтобы теперь лицезить твою довольную, нахальную ухмылку? – от его яростного крика задрожали стены.

– Я не сделал ничего дурного, ничего, что имело бы почву для осуждения!

– Разве? Ты бросил все дела, оставил подготовку к колледжу и ушел гулять без моего позволения! Ты что, забыл наши законы?

– У меня сегодня день рождения! День рождения! – в недоуменном крике повторил я. – Ты хоть помнишь об этом? Я твой сын!

– Нет! Ты мое наказание! Моя самая большая ошибка! И сейчас я сотру с твоего лица эту дерзость!

Он в ярости ринулся ко мне и со всей силы замахнулся, но я успел схватить его за руку и избежал удара.

– Да ты вконец обнаглел! – его попытка ударить меня возобновилась.

Словно сумасшедший, отец схватил тяжелый старинный канделябр. Я не успел сделать в сторону и шага, лишь только пригнулся и накрыл голову руками.

– Господи, мистер Моррэс! – в ужасе закричала Бетти.

Ее внезапное появление и пронзительный крик, должно быть, спасли мне жизнь. Рука этого «монстра» затормозила в нескольких дюймах от меня. Он отстранился назад и швырнул канделябр в сторону.

– Раз уж Вам так жаль это существо, тогда впредь Вы лично будете нести ответственность за его поступки!

– Конечно, мистер Моррэс! – Бетти пробралась ко мне, с ужасом пройдя мимо отца, и прижала к себе, ограждая от опасности.

– Запереть это ничтожество в комнате! Ключ принесете мне! Теперь я сам буду решать, когда отпирать его дверь и отпирать ли вообще!

– Идем, Мартин, – Бетти обняла меня за спину и довела до комнаты. – Не волнуйся, милый, у меня где-то припрятан запасной ключ. Я принесу тебе поесть, как только он покинет столовую.

Я благодарно улыбнулся, глядя в добрые, но все еще напуганные глаза служанки, и позволил запереть себя в комнате.

На столе стоял графин с водой, а рядом, на блюде, лежала слегка подсохшая булочка. Не очень-то роскошный обед, однако он стал для меня подарком. Гнев отца остался по обратную сторону двери. В этот раз страх настиг меня только на мгновение и теперь совсем отпустил. Долгая прогулка в одиночестве и гармонии мыслей – самая первая возможность ощутить себя вне высоких стен отцовских правил – позволила мне осознать, чего я так долго был лишен, осознать, что моя жизнь – не что иное, как подлинное воплощение ада.

Глава четвертая. Первый друг

Отъезд в колледж и расставание с домом, в котором никогда не было тепла, стали для меня знаменательным событием. Этот день я мысленно отметил как самый лучший, и он надежно запечатлелся в памяти. Осознание того, что моя жизнь в плену стен этого мрачного дома – сущий кошмар, помогло с еще большей полнотой и ясностью ощутить всю прелесть переезда.

Отец без устали диктовал всевозможные наставления, прохаживаясь из стороны в сторону, а я сидел на стуле и кивал головой, изредка произнося убедительные слова повиновения: «да», «конечно», «разумеется»... Но на самом деле мои мысли находились далеко. Реплики отца я не воспринимал. Они звучали расплывчато и, не успев попасть ко мне в голову, рассеивались где-то в воздухе.

Колледж находился достаточно далеко, так что я мог не рассчитывать на визиты отца. Мой отъезд его мало радовал, ведь у Френсиса Моррэса совсем не было друзей и уж тем более тех, над кем он мог издеваться, в полной мере компенсируя свою неполноценность.

– И учти, Мартин: мне доложат даже о мельчайшем твоём проступке! – предупредил отец, прежде чем позволил мне войти в поезд. – Учись прилежно и не смей позорить наше доброе имя! Меня не будет рядом, но я буду знать о каждом твоём шаге. Помни об этом! – он угрожающе поднял указательный палец.

– Да, папа, я всегда об этом помню.

Раздался громкий гудок, и проводник попросил всех пассажиров пройти в вагон. Как только поезд тронулся с места, я облегченно выдохнул, мгновенно сбросив с себя груз напряжения. Меня совершенно не заботило, каким окажется колледж и обыватели того общежития, в котором мне предстояло поселиться. Это не имело значения. Я был рад уехать, пусть и ненадолго. Новые люди, новое место, возможно, новые открытия – и все вдали от дома, в недоступности от отцовского взора. Мечта, не так ли? Может, не для каждого, но для меня она была таковой.

Учеба с отчаянной силой пыталась «поглотить» мой ум, однако безуспешно. Лекции и предметы я не нашел занимательными. Напротив, они наводили на меня лишь тоску и угнетение духа. Теперь, обретя способность мечтать и слышать зов собственных желаний, я понял определенно точно: юриспруденция не являлась тем делом, которому я с охотой отдал бы свою оставшуюся жизнь. Печальный момент... с ясностью осознавать, что тебе это не нужно вовсе, но по-прежнему быть вынужденным подчиняться, словно подневольный раб.

Несмотря на новообретенное отвращение к учебе, я вышел в первый ряд, как один из самых способных студентов. Так случилось отнюдь не произвольно. Усилий не было приложено. Просто, несмотря на всю ненависть к законам, правилам и уставам, это было единственным, что я знал в совершенстве.

Мне удалось произвести впечатление на всех, однако я сам не чувствовал ни удовлетворения, ни гордости. Это была мечта отца, его цель – сделать из меня свою копию, но если кто-то и должен испытывать гордость за мой всеми признанный успех, то только он один.

– Блестящий ответ, мистер Моррэн! – отметил профессор после моего очередного выступления в аудитории. – Уверен, Вы станете замечательным приемником своего отца! Если Ваши знания и впредь будут столь безукоризненными, мы переведем Вас на второй курс раньше срока. Для первокурсника Вы уже слишком умны.

Высокое расположение учителей обеспечило мне уважение и среди студентов. Все смотрели на меня как на гения и пророчили блестящее будущее. Но я не был всему этому рад. Мне не хотелось становиться тенью Френсиса Моррэса, и, пока в голове не появилось плана сделать шаг в ином направлении, я наслаждался, по крайней мере, уединением.

Одним поздним зимним вечером, перед тем как отправиться спать, я зашел в туалет и тут же остановился: в пяти шагах от меня, прижавшись спиной к стене и с необычайным спокойствием на лице, стоял некий молодой человек всего на год старше меня, но достаточно высокого роста и более крепкого телосложения. Устремив задумчивый взгляд выразительных серых глаз в одну точку, он размеренно, с наслаждением, курил, медленно выпуская изо рта дым и держа левую руку в кармане. Темные волосы незнакомца были гладко причесаны и аккуратно уложены, а дорогая белоснежная рубашка небрежно выпущена поверх брюк: никакого галстука или жилета. Его беспечный образ и смелое поведение, казалось, ввели меня в кратковременный ступор.

– Сэр, простите, но здесь запрещено курить! – сказал я, напоминаясь указав рукой на настенную табличку.

– И что? – тот глянул на меня, а после снова перевел взгляд на прежнюю точку, словно там висела занимательная картина.

– Ну, как же... Это такое правило, одно из правил колледжа. Все прописано директором самолично!

– Знаешь, правил так много, что они уже начинают раздражать, не находишь? – парень снова посмотрел на меня и отошел от стены. – Кажется, я тебя знаю. Ты тот самый Мартин Моррэс – наша новая звезда! Ходят слухи, что скоро тебя переведут на второй курс. Блестящий студент и, что самое главное – то, о чем так часто повторяют преподаватели, юноша с безупречной репутацией и высшей оценкой за поведение. Должно быть, это адский труд! – он говорил без всякого сарказма. – Слушай, раз уж я с тобой столкнулся, позволь спросить: тебе случайно не жмет эта «удавка»?

– Удавка? – переспросил я, пребывая в некотором замешательстве.

– Именно! Вот эта – из правил, моральных устоев и прочего. Мне просто любопытно, неужели и правда существуют люди, готовые отказаться от свободы и счастья, осознанно засунув голову в эту петлю?

– А что, если выбора нет? Что, если ограда слишком высокая и сбежать нельзя? – я развел руками.

– Бордюры, ограды, заборы, решетки, клетки, рамки – это все правила и законы, написанные людьми, которые хотят поработить нас, лишиться естества, права выбора, свободы мыслей и решений. Кто-то твердит, что выхода нет и ограда слишком высока, смиряется и, что самое печальное, начинает верить: все правила действительно нужно соблюдать. Стадо безнадёжных глупцов! А все начинается с мелочей. Ты боишься надписи на простой табличке, боишься нарушить невинное предписание! – он усмехнулся. – Конечно, не стану спорить, есть непреложные законы, нарушать которые никак нельзя, ибо на кон станет собственная жизнь или свобода, а это, по сути, одно и то же. Но вот все остальные – можно. За это ты не попадешь в ад, уж поверь!

Незнакомец выбросил окурок, намереваясь уйти.

– А как же страх?

– Страх перед кем? – оглянулся он.

– Перед теми людьми, которые могут воздать наказание. Допустим, директор, раз речь идет о нарушении его правил.

– Какая глупость! Лично я боюсь только Господа Бога. Лишь его законы я готов соблюдать, – он улыбнулся. – Кстати, я Дэн Мак'Коллин, второкурсник и первый кандидат на исключение.

– Почему? – этот человек то и дело каждой сказанной фразой ввергал мой разум в состояние удивления и шока.

– Потому что мне здесь не нравится! Ярый противник всей этой заумной чепухи учиться на юриста. Даже звучит абсурдно! Никогда не любил адвокатов. Они такие зануды! Для них жизнь не что иное, как один большой устав и ни шага в сторону! Чопорные лица и сплошь одинаковые характеры. Скучные натуры. Такие люди не могут быть романтиками. Все их действия крайне предсказуемы, а список законов служит им Библией. Сколько ни встречал адвокатов – все они такие!

– Ты прав, – охотно согласился я. – Это портрет моего отца. Он адвокат.

– И, очевидно, совсем скоро ты станешь его копией.

– Этого хочет он, а не я.

– Тогда что ты тут делаешь?

– Подчиняюсь его воле. У меня никогда не было права выбирать.

– Права выбора нет только у мертвецов. Что им, бедным, поделать, они ведь умерли. У них нет возможности передумать, что-либо изменить, сбежать от своей участи и послать все в тартарары. А у нас есть такие привилегии. Вот я совершил ошибку, последовал совету...

– Какому именно?

– Учиться здесь. Сегодня утром я окончательно убедился, что это было напрасно. Вот сам посудите: я, – Дэн указал на себя пальцем, – человек, не воспринимающий всерьез даже кодекс и все, что там написано, с совершенно иным складом души, стану адвокатом – это ровно такая же нелепость, как если бы блудница вдруг стала монахиней!

Прежде мне никогда не удавалось говорить с человеком, почти равным мне по возрасту, который стал бы так открыто выражать свою точку зрения. Я был восхищен и одновременно изрядно потрясен, ведь для этого нужна смелость, врожденная жажда к жизни без предрассудков, которой меня, очевидно, не наделили. Однако это состояние безграничной свободы оказалось заразительным, будто вирус или наркотик. Часть его незримо, но ощутимо просочилась в мою душу, и в ту же секунду я понял: пути назад уже не будет никогда! Я уже просто не захочу становиться тем Мартином Моррэсом, каким был раньше.

– Ты хочешь уйти? Оставить колледж?

– Разумеется! – уверенно произнес Дэн. – Но просто уйти – несколько скучно. Прежде чем покинуть это заведение, я намерен всех немного позлить и тем самым порадовать себя, – он вынул из кармана свои часы. – Пойду-ка я, пожалуй, спать.

Дэн уж было сделал шаг к двери, но тут мой рот неожиданно открылся, и слова вылетели сами.

– Я тоже хочу уйти!

Он остановился.

– Ты? Но, Мартин, ты уже без пяти минут второкурсник и уж точно сможешь стать адвокатом.

– Но я не желаю им быть! И плевал я на второй курс! – вдруг закричал я. – Все, сказанное сейчас тобой, мне стоило сказать себе давным-давно! Это воля отца. И вот, наконец, я решительно готов от нее отречься!

– Надо же... ты меня поразил! Всего минуту назад я был убежден, что в тебе живет совсем другая натура, противоположная моей. Забавное стечение обстоятельств, я бы даже сказал, судьбоносное! Теперь нас объединяет одна общая цель. Полагаю, это отличный повод стать друзьями! – Дэн ободряюще хлопнул меня по плечу, подав свою руку.

Я радостно улыбнулся, и мы обменялись крепким рукопожатием. Направляясь в туалет, я уж точно не подозревал, что познакомлюсь там с человеком, сумевшим всего за несколько минут одарить меня смелостью духа. Дэн Мак'Коллин, словно поделился ею со мной и вдобавок предложил свою дружбу.

Этим вечером я открыл для себя нечто новое: жизнь способна преподносить сюрпризы. Она надежно прячет свои подарки в самых неожиданных местах и оттого становится более интересной.

Глава пятая. Свободомыслие

– Я рад, что обрел союзника и, надеюсь, друга, – торжественно признался Дэн, когда мы вышли в коридор. – Мне еще этого не удавалось.

– Трудно поверить, всю жизнь я с уверенностью полагал, что один только я в целом мире не имею друзей. Но ты...

– Понимаю твое недоумение. Если следовать логике, у меня должна быть, как минимум, дюжина друзей. Но если все растолковать, то можно понять, почему вышло иначе. Кто составляет наибольший процент этой планеты? Неудачники – люди, не способные подняться выше. И сейчас я подразумеваю не материальную сторону. Они хотят быть такими, как я – независимыми от мнений, приказов, обстоятельств и прочего, но не могут. Их натура – намертво застывший бетон – нерушима, а потому им невыносимо находиться с мне подобными. Вместо того чтобы попытаться изменить себя, они начинают завидовать. Зависть – врожденный, неискоренимый порок всех неудачников. Вот причина, по которой мне не удавалось найти друзей, хотя я сам очень охотно и искренне становлюсь другом чуть ли не каждому. Но ты, Мартин, вовсе не неудачник, однако вначале я посмел предположить обратное и рад, что ошибся!

Мне нравилось слушать его. Дэн Мак'Коллин действительно не был похож на тех, кого я знал ранее. Его стойкий голос заставлял и меня стать увереннее, гордо развернутые плечи побудили поправить слегка сгорбленную осанку: мне захотелось равняться на него, брать пример во всем. Начиная со следующего утра, Дэн и я стали всюду ходить вместе, будто два давних друга.

Всего через несколько дней, как и предполагалось ранее, обещания директора стали явью. В мою честь собрался совет преподавателей колледжа, и все приняли единогласное решение перевести меня на второй курс. Это событие стало радостным лишь по одной причине: теперь я обучался в той же группе, что и Дэн. Без сомнений, он тоже был рад. Казалось, само провидение способствовало укреплению нашей дружбы.

– Почему ты так быстро ешь? – спросил однажды Дэн, когда мы завтракали в общей столовой. – Как будто на поезд опаздываешь.

Я тут же замедлился.

– Старая привычка. Отец всегда отводил определенное количество времени и приходилось есть второпях.

– Относительно всех твоих рассказов я сделал вывод: твоему отцу место в психушке! К счастью, его здесь нет, так что избавляйся от этой привычки прямо сейчас.

– Ты прав, нужно меняться. Порой я забываюсь, и мне снова чудится, что он где-то поблизости, стоит у меня за спиной.

Долгие годы жизни вместе с этим чудовищем, моим отцом, дали заметный результат. Я чувствовал себя убогим, в сравнении с Дэном, и в то же время понимал, что дружба с ним помогает мне меняться. Ломать старого себя оказалось сложно, но я очень этого хотел, а потому слушался его, как старшего брата.

– Мартин, что ты планируешь делать, когда покинешь это место?

– Пока не знаю. Однако в одном я уверен точно: мне совсем не хочется возвращаться к отцу.

– Правильные мысли! Я тоже считаю, что тебе не стоит с ним оставаться.

– Даже если бы я и захотел, мне это не удастся. Отнюдь не трудно представить выражение его лица, когда он узнает о моем решении, принятом вопреки его воле. Отец просто озверевает! Ты не видел его в гневе, Дэн! Мне кажется, даже сам Дьявол вселяет куда меньший ужас.

– Тогда тебе тем более нечего там делать! Пусть мистер Моррэс живет со своими демонами сам, а мы что-нибудь придумаем.

– Мы? – я удивленно раскрыл глаза.

– Ну да, если ты, конечно, не против, – он сложил перед собой руки. – Я тоже не горю желанием возвращаться в родное гнездо. Мой отец, хотя и хороший человек, – невыносимый зануда, а его супруга мне вовсе не мать. Их союз – идиллия, безупречный дуэт, а в дуэтах не может быть третьих лиц.

– Выходит, ты тоже не хочешь возвращаться. Податься некуда... Так, значит, лучший вариант – пока оставаться здесь? – мне показалось, что передо мной возникла глухая стена, высокая преграда под названием «Тупик».

– И это твоя лучшая идея? Других вариантов нет? – Дэн развел руками. – Как же быстро ты впадаешь в отчаяние, Мартин!

– Как будто... – неуверенно протянул я.

– И вот ты снова ошибаешься! Вариантов много, но самый лучший тот, который только что созрел в моей голове!

«Этот человек полон сюрпризов», – подумал я, с нетерпением ожидая ответа.

– Мы поедем в Нью-Йорк! – выдал он, напрочь меня обескуражив.

– В Нью-Йорк?

– Ага! Позже объясню, почему именно туда.

– Ты непредсказуемый человек, Дэн! И откуда только ты берешь весь этот азарт и идеи?

– Свободомыслие! – пояснил он. – Многие твердили мне, что это наихудший недостаток в моем характере. Я же, напротив, вижу в этом божественный дар.

Мне впервые довелось столкнуться с данным определением. Вероятно, оно и вправду являлось неким дарованием свыше, чем-то вроде врожденного таланта, и я явно не был им наделен.

В столовой постепенно стихли шум и разговоры. Все студенты уже оставили свои тарелки и спешно направились на занятия.

– Думаю, нам тоже пора, – заметил я. – Лекция начнется через пару минут.

– Пусть начинается, нам спешить необязательно. Как насчет добавки? Лично я не совсем сыт. Тебе взять еще одну порцию?

– Нет, спасибо!

– А я, пожалуй, возьму.

В столовой мы провели около двадцати минут. Кружка с моим чаем уже давно опустела, тем временем как Дэн все еще продолжал завтракать. Он ел медленно и спокойно, наслаждаясь каждым кусочком, каждой секундой момента. Казалось, он находился вовсе не в обеденном зале колледжа, а где-нибудь на собственной вилле посреди высоких кокосовых пальм с террасой, выходящей на теплый солнечный берег океана.

Дэн не торопился и даже не смотрел на часы. Мне же с трудом удавалось избавиться от этой нервной привычки, выдающей глубокую неуверенность в себе.

Разумеется, на лекцию мы опоздали. Профессор, прежде никогда не наблюдавший оплошностей с моей стороны, был заметно поражен.

– Мистер Моррэс, надеюсь, у Вас имеется уважительное оправдание?

– Мы задержались в столовой, сэр, – последовал мой неловкий ответ.

– Завтрак был действительно вкусный, однако это не повод опаздывать на целых полчаса! – пожилой учитель сделал шаг в нашу сторону и пальцем придвинул очки поближе к глазам. – А что касается Вас, мистер Мак'Коллин, то Вы уже не в первый раз опаздываете и тем самым демонстрируете нам свое неуважение!

– Ошибаетесь, сэр! Мы всего-навсего воспользовались тем личным временем, что дала нам жизнь, применив его на свое усмотрение. Не более того! – уверенно возразил Дэн, чем изрядно разгневал профессора.

– Не смейте мне дерзить, Дэн Мак'Коллин! Так и быть, сегодня я позволю вам обоим остаться в аудитории, но лишь из уважения к вашим родителям, а также с надеждой, что впредь такое поведение не повторится!

Покрасневшее от недоумения лицо профессора и вообще всю ситуацию в целом Дэн воспринял как маленькую забаву для самого себя. А я, не привыкший к подобным выходкам в собственном исполнении, ощущал неловкость, но было и еще кое-что: внутри меня как будто менялась кровь. Я переживал момент перерождения и оттого сидел неподвижно.

– Что с тобой? – тихо спросил Дэн, пошевелив меня за плечо. – Ты похож на статую.

– Я просто в шоке.

– Из-за чего?

– Из-за себя. Если я раньше и пытался сделать что-то запрещенное отцом, то делал это осторожно, тайком, но сейчас я нарушил правила публично! Потрясающе и невыносимо...

– Поздравляю с дебютом! Понимаю, переступить черту непросто, но это единственный способ что-то изменить.

Мы обменялись братскими улыбками и на время прекратили разговор, поймав на себе недовольный взгляд профессора.

Замечание не пошло нам впрок. Я и Дэн продолжали поступать так, как нам вздумается: мы прогуливали занятия либо являлись не вовремя, не готовили домашние задания и намеренно отказывались отвечать на вопросы учителей касательно того или иного предмета, а все их наставления звучали где-то за гранью нашего восприятия. Для нас это превратилось в забавную игру. Мы делали все, чтобы получить заветные «билеты» свободы, и на то были причины: я не мог покинуть колледж по собственной воле, так как привилегии отца были высоки: только ему отдали бы мои документы. Конечно, я мог уйти и без них, но это означало бы навсегда отбросить всякую надежду поступить учиться туда, куда пожелаю я.

А что до Дэна, то у него не было этих обременительных оков. Он мог уйти безо всяких преград, однако, как парень сообщил мне ранее, для него это было бы слишком просто, а потому скучно. Своим поведением ему хотелось «свести всех с ума», «взбаламутить воду»...

– И как только я смог вытерпеть почти два года? Не понимаю, – в недоумении произнес Дэн во время нашей спонтанной поездки в город. – Ты заметил? Все здесь такие серьезные, натянутые, правильные, что так и тянет поступить наоборот! Я совсем не пунктуальный, прямолинейный, не выношу спешку и нервную, напряженную обстановку, допустим, как на заседаниях. Не люблю что-либо доказывать и уж тем более забивать голову чужими проблемами, даже если за это хорошо платят. Конечно, я предполагал, что не смогу стать юристом, но ради машины, которую пообещал отец, стоило пойти на такой риск и поступить сюда, – он гордо улыбнулся и с удовольствием сжал руками руль.

Мы ехали по пустынной дороге на его новеньком авто бордового цвета. Дэн обожал своего современного друга, но еще больше ему нравилось ловить восхищенные взгляды людей, наблюдавших данное новшество.

– Готов спорить: совсем скоро все оставят в покое лошадей и пересядут за руль. Папа подарил мне автомобиль с условием поступления в колледж, но в договоре не было пункта, что я обязан его закончить, – весело рассмеялся Дэн.

– Да, все случается не просто так. В каждом явлении, встрече и даже кратковременном эпизоде жизни кроется тайный умысел судьбы. К примеру, тебе стоило попасть сюда, дабы получить такой подарок.

– А еще, чтобы встретить такого друга, как ты, Мартин! Уж это точно было тайным умыслом судьбы!

Я ответил ему благодарным взглядом.

– Знаешь, мой отец не такой, как твой, – совсем нестрогий. Но всегда было другое, что немало огорчало меня: он редко бывал дома, совсем не уделял мне времени. Разъезды, работа и женщины – все, что его интересовало. Мать тоже была не лучше. Когда мне исполнилось пять, она сбежала в Европу со своим любовником. У меня нет ни братьев, ни сестер. Я всегда был предоставлен сам себе, если не учитывать присутствие няни. Папа для меня ничего не жалел, кроме собственного внимания. Поэтому твое общество, Мартин, весьма ценно для меня!

– Как для меня твое, Дэн! Оказывается, наше детство отчасти похоже.

– Отчасти, но не полностью. Ты страдал от избытка отцовского внимания, а я – от его недостатка. Но мне повезло больше. Пусть лучше отец будет безразличным, но добрым, нежели внимательным, но бессердечным тираном. Не узнай я о твоём детстве, я бы по-прежнему считал себя самым несчастным на земле. Когда есть с чем сравнить, понимаешь: все не так уж плохо.

Впереди виднелся Чикаго. Увидев его, Дэн мгновенно переменял настроение, озадачившись вопросом: куда сначала отправиться. Его мысли и фразы могли меняться с грустных на противоположные с абсолютной легкостью. Мне нравился этот неуловимый ритм, побуждавший и меня к свободомыслию.

Глава шестая. Бунт и побег

После множества предупреждений и угроз об исключении, которые я и Дэн встречали с ушмешкой, не подавая надежд на исправление, нас выставили вон. Директор, а также все преподаватели были напрочь «уничтожены» нашим своевольным и непочтительным поведением.

Конечно, моего отца и семью Дэна осведомили о том, что происходит. Гордость Френсиса Моррэса потерпела унижение. Приехать сюда лично он не пожелал, а в его письме директору излагалось лишь одно: удержать меня в колледже, припугнуть, наказать, возродить желание учиться любой ценой. Да, цену он уплатил за это немаленькую, и директор, как мог, старался отработать полученные деньги сполна. Но тщетно: я оставался непреклонен, с ярым намерением уйти.

Что же касается мистера Мак'Коллина старшего, он предоставил право решать сыну, хотя и был недоволен таким исходом. Дэна изрядно утомят весь этот маскарад. Он был готов покинуть пределы колледжа, и только я являлся для него причиной задержки. Но, к нашей великой радости, данная проблема вскоре разрешилась.

– Очень жаль, мистер Моррэн, что Вы решили пересмотреть свои планы на будущее, – говорил директор на нашей с ним последней встрече. – Еще не так давно Вы подавали большие надежды. Вы были лучшим и могли бы добиться большего – достичь вершины в делах юриспруденции.

– Поверьте, сэр, учиться здесь не мой выбор.

– Порой нас тянет в сторону, хочется все бросить и сбежать, но подобное желание может оказаться ошибочным. Дэн Мак'Коллин – бунтовщик по натуре. Он был таким рожден. Это черта его характера, неизменная, как генетический код. Но Вы совсем другой человек. Вам просто понравилось то, каким является Дэн, каким взглядом он смотрит на вещи и как воспринимает различные ситуации жизни. Однако подражать – не значит стать таким же. Это еще одно заблуждение.

– Возможно, я и есть такой же, как он, просто узнал об этом недавно. Сейчас я принял решение без участия отца, оно впервые принадлежит только мне.

– Знаете, Мартин, тем, кто нас любит, всегда известно, что лучше и как следует поступить, – утверждал директор.

– Если бы я видел в отце любовь, именно ту, которую обычно испытывают к сыну, я бы непременно задумался над вашими словами, сэр. Но нет. В данной трактовке моя ситуация является исключением.

– Что ж, – он с медлительной тяжестью поднялся с кресла, – раз вы так решили и, как я вижу, это уже окончательно, нет смысла удерживать вас. В конце концов, вы тут не пленник. Можете забрать свои документы у секретаря. Ах да, еще кое-что, – директор открыл сейф и достал оттуда банковский чек. – Это деньги вашего отца. Я не смог выполнить его просьбу, а значит, будет справедливым их вернуть. Так ему и передайте.

Дэн ждал за дверью. По счастливому выражению моего лица он в ту же секунду понял: все завершилось успешно! Предчувствуя это, я заранее собрал все вещи. Перед тем как навсегда покинуть комнату, слегка напоминающую номер скромного отеля, я посмотрел на себя в зеркало. Там больше не было того запуганного мальчика, скованного, потухшего, словно убитого. Мои карие глаза светились и переливались в совершенно новом блеске. Радость момента и предвкушение чего-то нового не удалось бы скрыть: они отражались во взгляде.

– Ну, наконец-то! – провозгласил Дэн и бросил свой чемодан в автомобиль, а следом и мой. – Поехали отсюда!

– Ты даже не представляешь, как я рад! Сегодня поистине великий день!

– Да, теперь судьба снова принадлежит нам! – он с удовольствием завел мотор. – Вот он, звук свободы! А теперь – в Нью-Йорк!

– Прямо сразу? – я выпучил глаза.

– А чего ждать? Ну да, конечно, я ведь так и не рассказал тебе. У меня там есть квартира: мой дорогой дедушка умер больше трех лет назад. Он был довольно странным и замкнутым человеком. Мы редко общались. Но тот факт, что дедушка завещал свое имущество именно мне, служит подтверждением того, что он все-таки меня любил, хотя и надежно скрывал это.

Автомобиль тронулся с места и, с присущей его хозяину неудержимостью, помчался вперед.

– Слушай, Дэн, давай отправимся в Нью-Йорк завтра или сегодня вечером!

– Почему? Ты что, передумал? – он настороженно сдвинул брови.

– Разумеется, нет! Не передумал! – опроверг я. – Мне просто нужно заехать домой. Хочу забрать оставшиеся вещи и фотографию мамы. Я забыл ее в своем столе.

– Боже! Мартин, твоя сентиментальность меня доконает! Все необходимое ты можешь купить в Нью-Йорке, а фотография матери... забереешь ее как-нибудь потом. Это не стоит того, чтобы намеренно встречаться с мистером Моррэсом.

– Ты, конечно, прав! Но, знаешь, перед тем как начать новую жизнь, я хочу поставить точку во взаимоотношениях с отцом. Заберу все свое, чтобы впредь не возвращаться! Ему придется смириться, теперь я другой.

– Уверен, что хочешь этого? – Дэн бросил на меня серьезный взгляд и снова перевел глаза на дорогу.

– Уверен!

Он немедленно развернул машину, и мы двинулись в сторону Чикаго.

Мысль о предстоящей встрече с отцом больше не пугала меня. Я не чувствовал ни страха, ни дрожи. Эти эмоции начисто стерлись, оставшись где-то позади. Возможно, они были заперты там, в моей комнате, в стенах родного и одновременно ненавистного дома, одинокие, брошенные. И я был рад, что сумел избавиться от них, а потому, «наполнив» душу силой воли и спокойствием, запер ее плотнее, дабы былой детский страх не ворвался ко мне снова.

Погода выдалась наипрекраснейшая! Это было начало марта. Снег еще не успел растаять. Солнце грело жарче, нежели зимой, а в воздухе уже отчетливо ощущалась тонкая нотка постепенно приближающегося тепла и запах нового начала. Весной земля словно каждый раз рождается заново, все вокруг обновляется, избавляясь от следов, что оставила угнетающая и безжизненная зима.

Данное время идеально подходило для перемен. Первые три мили нашего пути Дэн пребывал в недоумении от моего решения. Оно, без сомнений, повлияло на его настроение. Однако, зная своего друга, я был убежден: состояние озадаченности покинет его еще до прибытия в Чикаго. Так и случилось. Спустя полчаса Дэн переключил свои мысли на более приятные, и беседа наполнилась прежним азартом, чем изрядно подняла настроение нам обоим.

Обсуждая предстоящие планы, мы почти не заметили, как оказались в городе.

– Мартин, передумай пока не поздно! Я, разумеется, сделаю, как ты хочешь: доставлю тебя к порогу твоего адского дома, но... – он резко затормозил у обочины и с несвойственной его характеру тревогой посмотрел мне в глаза. – Не стоит тебе встречаться с отцом! Я не знаком с Френсисом Моррэсом, но твоих рассказов вполне хватило для оценки грядущей ситуации. Не думаю, что он будет рад тебя видеть после всего случившегося. И ты сам об этом знаешь!

– Плевать! Пусть реагирует, как ему угодно! Я больше не маленький мальчик, до смерти запуганный его пристальным взглядом! Я приду и возьму все, что мне нужно, а он не посмеет

поднять на меня руку, будь уверен! – твердо заявил я. – Волноваться не в твоих правилах, Дэн! Сейчас только полдень. Через час отправимся в Нью-Йорк, обещаю!

Дэн пробыл в задумчивости еще минуту.

– Хорошо! – в попытке взбодриться и сдвинуть затянувшееся мгновение с мертвой точки он хлопнул ладонями по рулю. – Долой предубеждения! Один час нас не устроит, к тому же, мне нравятся твои решительность и уверенность! Мистер Моррэс поймет, чего ты теперь стоишь, едва взглянув в твои глаза.

Последнюю фразу Дэн произнес как будто себе в утешение, после чего мы снова тронулись с места. Его нечто тревожило... Что это было? Страх за меня, как за друга, или, может, предчувствие беды? Я задался вопросами, но даже предполагаемые ответы не заставили меня отказаться от этой идеи.

Мне было известно абсолютно точно: ударить себя я не позволю! К счастью, Дэн еще в колледже обучил меня паре дельных приемов. Имея их в арсенале навыков, я стал чувствовать себя куда более уверенно. А что до остального, ни о чем другом я тогда не подумал. Умение представить ситуацию и все возможные последствия заранее – полезная привычка. Тот, кто приобрел ее в самом начале жизненного пути, сделав неотъемлемой частью своего разума, вероятно, сумел избежать множества ошибок и прочих невзгод. Однако зачастую умение предвидеть зарождается в человеке лишь с течением череды неудач. И я стал именно тем человеком.

– Раз уж мы здесь, я, пожалуй, тоже заеду домой, – сообщил Дэн, остановив автомобиль у самой калитки. – Папа не станет отчитывать меня в присутствии своей дорогой Камиллы, поэтому моральная пытка мне не грозит. А твой папаша... Надеюсь, дома его не окажется!

– Это было бы здорово! – я взглядом окинул окна.

– Заеду за тобой через час. Я знаю, Мартин: ты крайне пунктуальный, а вот я могу и опоздать на несколько минут! – на лице Дэна «заиграла» шутливая улыбка, и вскоре он скрылся за поворотом.

Я взглянул на свои старенькие часы, мысленно отсчитав ровно час, и стал осматриваться вокруг в поисках отцовской машины. Ее не оказалось. Разумеется, меня это порадовало! Я решил воспользоваться моментом и поспешил войти в дом.

– О, Мартин! – дверь отворила Бетти. – Что же вы мне не написали? Я бы встретила вас на станции.

– Здравствуйте! – будто не услышав ее суетливых вопросов, я с нежностью обнял женщину, которая была мне роднее кого бы то ни было.

– Вы надолго?

– Всего на час.

Бетти удивленно приподняла брови и снова засуетилась.

– Ох, тогда я немедленно заварю чай! Ваш отец может проснуться в любую минуту. Надеюсь, вы успеете уйти до его пробуждения.

– Как, разве он дома?

– Да.

– Но на улице нет его машины!

– Мистер Моррэс отдал ее в ремонт и никуда не выходит уже четвертые сутки. В последнее время он совсем не в духе.

– Он всю жизнь не в духе. Для меня это давно перестало быть удивительным.

– Несомненно. Однако позвольте заметить: тогда ваш отец казался мне значительно спокойным в сравнении с его нынешним состоянием.

Теперь я насторожился.

– Мистер Френсис каждое утро, каждый Божий день пребывает в нескончаемой агрессии ко всему и всем, – продолжала женщина. – Причина нам не известна, но он просто в бешенстве от того, что его, должно быть, мучает. Даже сон не исцеляет его разум. Мистер Моррэс проиг-

рал уже три дела в суде! Это почти непростительно для адвоката с блестящей репутацией! Его стали одолевать головные боли и частые головокружения. Полагаю, сей недуг – кара Господня за все его деяния, гнев и гордыню. Доктор прописал вашему отцу успокоительные капли, сон и постельный режим, по крайней мере, на неделю. Поэтому тихо здесь бывает только, когда мистер Моррэс отдыхает в своей комнате. Как только проснется, горе нам всем!

Причина его недомоганий и истерик мне стала ясна сразу. Бесполезно пытаться сделать сталь из дерева или бриллиант из рубина. Глупец тот, кто хочет переделать человека, используя собственные убеждения и принципы. Принимать человека таким, какой он есть, не ограничивая его личность рамками собственных прихотей и взглядов, – вот это и есть та самая подлинная любовь без единой доли эгоизма.

Но Френсис Моррэс стоял слишком далеко от данного понятия, а посему я перестал считать его своим отцом, утратив всякую надежду получить его любовь, и он, вероятно, уже перестал считать меня сыном, которого, впрочем, никогда и не любил.

Собирая оставшиеся вещи, я не чувствовал себя неблагоприятным и не ощущал вину. Свой уход я считал совершенно справедливым. Жаль, что он свершался только теперь.

Мои глаза в спешке «перебрасывали» взгляд с одной вещи на другую, а мысли мгновенно помогали понять: нужно мне это или нет. Взяв в руку уже готовую к отъезду сумку, я вышел из комнаты, но, сделав всего один шаг за порог, замедлился и обернулся. На стене, прямо напротив кровати, все также неизменно висела самая ненавистная мне вещь – список правил и наказаний. С неистовым удовольствием я подбежал к нему и сделал то, что очень желал сделать давным-давно: разорвал с улыбкой на лице. Помятые клочки я демонстративно бросил на пол, как знак победы над своим закоренелым страхом – самой главной слабостью.

– Я уезжаю, Бетти, навсегда! – с восторгом сообщил я.

– Как? Куда? А как же колледж? – в обескураженности женщина закидала меня вопросами, но после, не дожидаясь ответа, огорченно присела на стул и закачала головой. – Мне понятно, почему вы уходите или, скорее, бежите прочь. Ваш отец... – она посмотрела на меня, и в ее зеленых глазах заблестела ненависть, а из уст что-то пыталось вырваться наружу. – Гореть ему в аду!

– Не волнуйтесь так, прошу! – я опустил на корточки и с нежностью взял ее сухие от воды и порошка руки.

– Куда вы теперь пойдёте?

– Бетти, почему вы теперь обращаетесь ко мне на «Вы»? – я улыбнулся, с любопытством заглядывая ей в глаза.

– Не смею говорить иначе. Вы стали таким взрослым, Мартин!

– Взрослым? Но меня не было дома всего семь месяцев!

– Для меня – целая вечность! И раз вы приняли самостоятельное решение, не уведомив мистера Моррэса, я не ошибаюсь: Вы и правда возмужали!

Даже Бетти ощутила ту перемену, которая произошла во мне, а значит, это не было простой выдумкой. Я действительно стал другим, самим собой.

– Я оставил колледж. Впредь буду сам решать, какой дорогой идти. И она нашлась! Через четверть часа я уезжаю в Нью-Йорк вместе с другом. Уверен, там меня ждет более лучшая жизнь – долгожданные приключения! И теперь я не одинок. Все будет хорошо, Бетти! О Вас я всегда буду помнить! – моя улыбка заставила женщину улыбнуться в ответ, хотя ее глаза все еще выражали глубокую печаль.

Я попросил няню не провожать меня до дверей. Не знаю почему, но данная традиция прощания всегда наводила на меня грустные мысли. Я обнял Бетти прямо в кухне и сказал: «До свидания». Эта фраза звучит куда приятнее, выражая желание увидеться снова, пусть даже нескоро, но все-таки... Тем временем как «прощайте» звучит так безнадежно и угнетающе, как точка в конце предложения.

Мне хотелось покинуть дом тихо, незаметно, сбежать, словно ночной вор, пробравшийся в чужую обитель. И я был уже в паре шагов от входной двери, когда судьба предпочла усложнить простоту момента: отец проснулся. Проходя мимо моей комнаты, дверь которой я бездумно оставил открытой нараспашку, он, конечно же, заглянул туда и заметил безжалостно истерзанный и порванный на мелкие кусочки список, написанный им самим.

– Мартин! – дом содрогнулся от крика.

Я обернулся, хотя теперь жалею, что вообще задержался в коридоре. Стоило не обратить внимания, открыть дверь и просто уйти – быстро и навсегда! Однако все произошло иначе.

Мы встретились взглядами. Какой же абсурд! Человек, который должен быть моим другом – тем единственным и главным, который смог бы заменить мне всех прочих, самый родной, – являлся моим врагом. Это до боли ужасное чувство! Недопустимая ненависть в наших сердцах испепеляла и мучила, подталкивая обоих положить всему конец. Что может быть хуже, чем испытать ненависть собственного отца? И это при том, что мать давно на небесах, а о других родственниках нет даже известий. Это травма, глубочайшая рана, и, вспоминая обо всем теперь, спустя почти двенадцать лет, я убедился: она не затянулась. Никогда не затянется!

Я внимательно посмотрел на отца. Никогда прежде мне не доводилось видеть его таким неухоженным, совсем другим: волосы были не причесаны, длинноватая, густая щетина указывала на то, что он не брился уже несколько дней, чего раньше не случалось. Вместо привычного для всех безупречного костюма, который он носил даже дома, на нем была темно-синяя пижама, а сам отец выглядел уставшим и разбитым. Он был измучен. Зачастую люди сами делают себя несчастным, превращая жизнь в сплошную пытку.

В своем кулаке Френсис Моррэс что-то болезненно сжимал. Приглядевшись, я увидел: то были те самые клочки бумаги.

– Что это значит? – он сошел с лестницы и, вытянув руку вперед, медленно разжал ладонь, бросив их на пол.

– Это означает конец, – спокойно ответил я. – Прости, отец, но мне нужно уйти ради нас обоих. Ты губишь меня, а я никогда не оправдаю твоих надежд, и это, очевидно, губит тебя. В нас течет одна кровь, однако мы словно обратные стороны магнита. Нас разводит, отталкивает друг от друга. Нет смысла сопротивляться. Забудь, что у тебя есть сын, а я забуду о тебе. И это все, чего я хочу. Смирись с этим!

– То, что ты учудил в колледже, непростительно! Ты опозорил меня, опозорил наше имя! Теперь все знают: сын Френсиса Моррэса – позорище и неудачник! – проигнорировав мои слова, выдал он.

– Даже если и так, мне все равно!

– Не смей поворачиваться ко мне спиной, щенок! – в гневе заорал он, но голос его подрагивал, возможно, от некой внутренней слабости. – Ты немедленно сядешь и объяснишь свое поведение, а вечером вернешься в колледж! Это приказ!

Все слуги, те немногие, кого отец еще не успел уволить, притихли, подобно боязливому мышам, покорно углубившись в работу.

– Отец, ты болен, – в моих глазах промелькнула крупца жалости.

Я надел шляпу, которую мне подарил на рождество Дэн, и уж было коснулся двери, как вдруг меня остановила тяжелая рука Френсиса Моррэса.

– Ты никуда не уйдешь! – он схватил меня за плечо и отшвырнул обратно, в центр коридора.

Моя сумка осталась у двери, а также свалившаяся с головы шляпа. Я рассерженно посмотрел на отца и, едва сумев сдержать поток ненавистных фраз, так и рвавшихся «слететь» с губ, молча поправил пальто.

– А теперь – марш в гостиную! Нас ждет долгий разъяснительный разговор! Второго позора я не допущу! – он двинулся ко мне, грозя указательным пальцем и вынуждая пятиться

назад. – Либо ты извинишься прямо сейчас и исправишь ситуацию, либо я тебя уничтожу! Клянусь!

– Я больше не боюсь тебя! Уйди с дороги!

Хищник, попробовав однажды человеческую плоть, уже не захочет есть то, чем питался раньше. И натура людей не столь отличительна. Если человеку доведется узнать о существовании чего-то более лучшего, увидеть хотя бы раз и лично ощутить всю прелесть нового, он уже никогда не сможет пребывать в прежнем смирении и покое! Желание обрести это с силой равной одержимости захватывает разум и сердце в безвыходный плен. Человек, обреченный столь отчаянной мечтой, не пожелает жить, как прежде, смирившись со своей судьбой.

Со смелым вызовом в глазах я попытался пройти к выходу, но отец не позволил это сделать. Он снова схватил меня за пальто, словно щенка за загривок, и тут мое затянувшееся терпение дало сбой. Я вышел из себя!

Его руки, подобно клешням, крепко вцепились в пальто.

– Ты никуда не уйдешь! – кричал он.

– А это мы еще посмотрим!

Злость придает сил всякому, кто нуждается в победе. Сделав резкий рывок, я освободился, услышав звук рвущегося пальто, а после, не дав отцу даже нескольких секунд на раздумья для следующего шага, я со всей мощью ударил его кулаком прямо в грудь. Будто сухое старое дерево, он не смог устоять на ногах, отшатнулся и упал, ударившись виском о ступеньку лестницы. Я услышал короткий глухой звук, а после наступила тишина.

Мне понадобилась минута, чтобы прийти в себя, отдышаться и осознать произошедшее. Мой удар стал реакцией на провокацию, своего рода, рефлекс, поддавшись которому я надеялся всего лишь преподнести отцу урок, остановить его, показать, что теперь и сам обладаю достаточной силой для сопротивления. Однако результат вышел куда более радикальный.

– Отец!.. – я окликнул его, медленно подходя ближе.

Его глаза оставались закрытыми, реакции на мой голос он не подавал и совсем не шевелился. Наклонившись и приложив два пальца к пульсу на шее отца, я не обнаружил даже малейшего колебания. Его сердце остановилось, как будто кто-то нажал на кнопку «стоп». Но люди не машины, и, к сожалению, рычага очередного запуска у них нет. Все стало ясно без врачебного вердикта: Френсис Моррэс был мертв.

Глава седьмая. Иллюзия невинности

Смерть. Что мне было о ней известно? Совсем ничего. Да, моей матушки не было в живых. Ее тело лежало глубоко в земле, а душа «поселилась» на одном из тысяч облаков. Но даже это знание не помогло мне познать смерть. Я никогда не видел маму живой, а потому не считал ее мертвой. Для меня она всегда была бестелесной, невидимой, но при этом существующей. Иных вариантов я просто не признавал.

Вероятно, вам это покажется знакомым: смерть кажется нереальной, простой выдумкой ровно до той поры, пока не доведется столкнуться с ней лицом к лицу, узреть ее мрачный облик. Многие не воспринимают ее всерьез, наивно полагая, будто смогут жить вечно. Но эта глупая нелепость мгновенно исчезает с первой потерей.

Человек – весьма хрупкое создание, а грань между жизнью и смертью слишком тонкая. Один неверный шаг – и все. Жизнь разбивается, как хрустальный бокал, раз и навсегда. В данной ситуации я сам отдал отца в руки смерти, не дожидаясь ее самостоятельного визита. Однако есть люди, чей трагичный уход можно счесть за высшее благо.

– Бетти, идите сюда, скорее!

Женщина незамедлительно выбежала из кухни в коридор и замерла рядом с лестницей.

– Бог мой, мистер Моррэс! – с мгновенно возникшей тревогой она попыталась привести его в чувства.

– Бетти, это бесполезно: сердце остановилось.

– Что значит остановилось? Всего пару минут назад я слышала голоса вас обоих! Ой! – служанка с тяжелым вздохом прижалась спиной к стене, положив руку себе на лоб.

– Вам плохо?

– Нет-нет, я просто в шоке. Поверить не могу. Как это произошло?

– Почти мгновенно. Он схватил меня, не позволяя уйти, а я толкнул его слишком сильно, как видите. Это я его убил!

– Тссс... Кто-то идет.

Я тут же замолчал и обернулся.

Вниз по лестнице спускалась Сью. Увидев безжизненное тело Френсиса Моррэса, девушка издала такой оглушающий крик, наполненный ужасом, что казалось, его услышали даже в соседнем доме.

– Тише, милая! Все хорошо! – Бетти подбежала к молодой служанке и прижала ее к себе, как родную.

– То есть как, хорошо? Что с мистером Моррэсом? Почему он лежит на полу? – испуганно проговорила она.

– Произошел несчастный случай. У хозяина закружилась голова, он упал и ударился насмерть. Я и Мартин ничего не смогли сделать. Всему виной – его шаткие нервы и все эти истерики. Мистер Моррэс не щадил ни себя, ни других, вот и поплатился.

Я удивился, как ловко Бетти сумела скрыть истину, но возражать против данной версии не стал.

– Ступай, дорогая! Умой лицо, выпей воды, а я пока позвоню доктору.

Бетти дождалась, когда Сью скроется в другой части дома, и только потом подошла ко мне.

– Почему вы солгали? – шепотом поинтересовался я.

– Потому что мистер Моррэс не заслужил справедливости. Он досаждал Вам при жизни. Не хочу, чтобы и после его смерти Вам пришлось страдать, расплачиваясь за его никчемное

существование. Он получил то, чего заслужил. Думаю, даже Бог не станет судить вас, а я – тем более! И от всех остальных мы должны скрыть правду!

Вдруг раздался стук во входную дверь.

– Это Дэн. Мы должны были встретиться по истечении часа у калитки! – сказал я и ринулся к двери.

– Мартин, стойте! Никому не говорите о случившемся и своему другу тоже! Вы не можете знать, как он к этому отнесется. Понимаете? – она взяла меня за руку и настойчиво смотрела в глаза, дожидаясь ответа.

– Да, конечно! Он ничего не узнает, будьте спокойны! Я сам открою.

– Мартин, кажется, я тебя перехвалил: жду уже десять минут! – воскликнул Дэн.

Я не знал, как ему все сказать, как объяснить причину опоздания, а потому совсем растерялся. Должно быть, мое лицо и некоторое потрясение в глазах сказали все сами, без слов. Дэн в одно мгновение стал крайне серьезным.

– Что произошло, Мартин? Ты какой-то бледный... Совсем на себя не похож.

– Ты был прав: мне не стоило заезжать домой.

Я отошел в сторону с виноватым видом и пропустил друга в дом. Пройдя в коридор, Дэн увидел итог нашей с отцом ссоры. В отличие от Бетти и Сью, Дэн не издал ни ужасающего крика, ни тревожных слов. Более того, он не был удивлен.

– Я не экстрасенс, и моя интуиция развита не достаточно хорошо, однако что-то подсказывало мне: твоя встреча с отцом закончится неприятностью.

– Доктор Риверс уже едет, – в коридор вернулась Бетти. – Я все ему объяснила. Надеюсь, полицию не придется вмешивать. О, простите, я прервала ваш разговор!

– Ничего, Бетти, это Дэн Мак'Коллин, мой друг из колледжа, о котором я рассказывал.

– Мэм, рад знакомству! – Дэн учтиво склонил голову. – Я тоже о Вас слышал. Мартин со мной крайне искренен касательно своей жизни. Жаль, что наша встреча состоялась в столь неприятной обстановке!

Женщина не нашла ответа и лишь молча опустила взгляд.

– Ну, так что конкретно тут произошло? – в его голосе стало ощущаться тревожное недовольство. – Час, всего один час! Просто невыносимо! Как, оказывается, мало нужно времени, чтобы жизнь пошла под откос!

– Мои вещи уже были собраны, я почти вышел за дверь, как вдруг...

Бросив невольный взгляд на Бетти я прочел в ее глазах безмерное волнение, а также несколько безмолвных враз: «Молчи! Не говори!»

– Ну, и? – Дэн вернул меня из задумчивости в реальность. – Ты подошел к двери...

– Отец разнервничался, а в последнее время его здоровье пошатнулось. В общем, у него закружилась голова, он упал, ударился виском о ступеньку и уже не поднялся. Что я мог сделать, Дэн?

– Разумеется, ничего! То воля обстоятельств, Мартин, ты ведь не винишь себя?

– Нет.

– Хорошо. Это главное.

Наш разговор был прерван прибытием доктора. Мистер Риверс, слегка полноватый пятидесятилетний господин, был нашим врачом много лет. Он знал обо всех нюансах здоровья Френсиса Моррэса, и это сыграло в мою пользу.

– Последние несколько недель ваш отец часто жаловался на головные боли и головокружения. Всему виной нервы. Френсис всегда был чересчур эмоциональным человеком, а в его возрасте такое поведение недопустимо! – сказал доктор, выслушав наш недолгий рассказ. – Я прописал ему успокоительные капли, постельный режим на несколько дней и попросил избегать тревог. Головокружения – вовсе не простая невинность, как многим кажется! Вот итог.

Сожалею, юноша. Мистер Моррэс был не самым прекрасным человеком, но он все же ваш отец. Весомая потеря. Глубочайше соболезную! – он с искренним сочувствием положил свою руку мне на плечо. – Крепитесь, мой друг!

– Спасибо, доктор Риверс!

Мне пришлось изобразить печаль, хотя на самом деле я был от нее далек.

Врач констатировал смерть, представив как несчастный случай, связанный с недомоганием. Бетти являлась свидетелем данной трагедии, а посему ни у кого не возникло каких-либо сомнений. Правду я разделил только с ней, а Дэну, как и всем остальным, пришлось поверить в ложь, хотя порой мне казалось, что друг догадывается об обмане.

На меня пала непростая задача: пришлось организовывать похороны, искать священника, договариваться с могильщиком – весьма угнетающая и неприятная процедура! Без помощи Бетти все это было бы мне не по силам.

На церемонию прощания и погребения явилось совсем немного людей. У моего отца был весьма странный подход к жизни: он стремился заводить врагов, а не друзей. Пришли лишь наши слуги, а также четверо коллег из его конторы – из чувства долга. Быть может, они не любили его, но хотя бы уважали? Этого я не знал.

Никто не стал лить по нему слезы. Среди всех присутствующих я был единственным, кто надел маску притворной скорби. Лица пришедших не выдавали грусти и сожаления: холодные, спокойные взгляды. Я же, невзирая на подлинные чувства, был вынужден казаться подавленным, дабы не вызывать подозрений.

– Ты действительно расстроен? – недоумевая спросил Дэн, когда гроб с телом отца опустили в яму.

– Нисколько. Просто никак не могу осознать его гибель. Для меня отец всегда был «железным» человеком, непобедимым. Казалось, ничто не способно сломить его. Не думал, что все так случится...

– Это несчастный случай. Ты не мог ничего знать. У каждого свой конец, а его смерть вполне заслуженная. Как бы там ни было на самом деле...

– Что ты имеешь в виду? – я насторожился.

– Неважно, забудь!

Таинственная фраза Дэна тогда осталась без ответа...

Гибель отца задержала нас в Чикаго еще на несколько дней. Когда все закончилось, я стал единственным официальным владельцем огромного состояния и финансов, что хранились в банке теперь уже под моим именем. Я ощутил безграничную радость. С меня будто сняли цепи! День смерти отца стал для меня вторым днем рождения. Я ощущал счастье, хотя полагалось скорбеть. И пусть это было грехом, мне все равно! Теперь я действительно обрел свободу.

Часть вторая

Глава первая. Новая жизнь

Немногим выпадает шанс покончить с ненавистным прошлым, превратить все в пепел, уничтожить даже мелочи, словно ничего и не было...

Дом, в котором я провел не самую лучшую часть моей жизни, не имел для меня иной ценности, кроме материальной, а потому без всяких сомнений было решено продать его вместе с мебелью. Это дело я доверил Бетти.

Когда-то давно отец неоднократно говорил, что после смерти желает быть похороненным рядом с могилой своей супруги. Его смерть свершилась, однако я, хоть и помнил об этом, с хладнокровной жестокостью пренебрег его желанием так же, как он пренебрегал моими. Но самой главной причиной стало другое: он не был достоин даже лежать рядом с моей матерью! Его не стало, и уже на следующее утро я почти забыл, что у меня был отец. Да и был ли он отцом?

Оптимизм Дэна вдохновлял меня каждую минуту нашего общения. Он был одним из тех редких людей, способных быстро забывать плохое. Кажется, не существовало ничего того, что могло бы заставить его злиться дольше двадцати минут. Безусловно, Дэн был недоволен проблемами, вынудившими нас задержаться в Чикаго, но это не побудило его оставить меня. План – отправиться в заветный город вместе – не изменился.

– Во всем есть свои плюсы, – говорил он, когда мы покинули родной Чикаго. – Теперь ты богат и совершенно независим! Только, может, не стоило доверять продаже дома служанке?

– Не волнуйся! Бетти – женщина надежная, я ей доверяю. Она все сделает. К тому же, мне не хотелось заставлять тебя ждать. И без того задержались.

– Это верно.

Добирались мы долго. На нашем пути встречались разные города, но там мы делали только остановки для отдыха. Остаться в одном из них у нас не возникло желания. Долгая дорога, пролежавшая через всю страну, стала моим первым путешествием. Дэн не захотел ехать на поезде, ведь в таком случае пришлось бы оставить автомобиль в Чикаго. Это было исключено сразу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.